

Кондрашова (Козьмина) Вера Николаевна, Поспелова Александра Георгиевна
СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННОЙ УГРОЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются подходы к понятию косвенности при выражении угроз в английской коммуникации. При анализе усеченных угроз, в которых директивная часть выводится из коммуникативного контекста, а комиссивная часть имплицитруется, были выделены угрозы с одной коммуникативной установкой, с двойной установкой и со сменой коммуникативной установки. Отдельную группу составляют косвенные угрозы возмездия. Как показало исследование, наиболее распространенным способом маскировки интенции является смена коммуникативной установки говорящего.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 118-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Iran won't submit to agendas like UNESCO 2030: Ayatollah Khamenei** [Электронный ресурс]. URL: <http://english.khamenei.ir/news/4796/Iran-won-t-submit-to-agendas-like-UNESCO-2030-Ayatollah-Khamenei> (дата обращения: 12.06.2017).
8. **Keyhan**. 04.02.2017; 12.05.2016; 21.11.2015; 17.02.2014; 26.06.2011.
9. **اولويت كاری شورای عالی انقلاب فرهنگی در دوره جدید**. (Первоочередные направления деятельности Высшего совета культурной революции на новом этапе) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.khorasannews.com/News.aspx?type=1&year=1393&month=7&day=27&id=6502175> (дата обращения: 10.11.2014).
10. **بحث شورا در باره گنجاندن آموزش پنج زبان خارجی در مدارس و دانشگاهها** (Дискуссия в Высшем совете культурной революции относительно допустимости изучения пяти иностранных языков в школах и университетах) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.ir/fa/94287> (дата обращения: 15.06.2017).
11. **حسن روحانی**. برنامه دولت دوازدهم "آزادی و امنیت. آرامش و پیشرفت". (Роухани Х. Программа двенадцатого правительства «Свобода и безопасность. Мир и прогресс». Тегеран, 2017. 255 с.) [Электронный ресурс]. URL: www.isna.ir/news/96022213789 (дата обращения: 10.06.2017).
12. **سازمان فرهنگ و ارتباطات اسلامی**. اخبار (Организация культуры и исламских связей. Новости) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=261&pageid=32423&new> (дата обращения: 10.06.2017).
13. **مهدی سنایی**. روابط ایران و آسیای مرکزی: روندها و چشماندازها. تهران 1390 (Санаи М. Отношения Ирана и центральноазиатских государств: тенденции и перспективы. Тегеран: Центр международных политических исследований МИД ИРИ, 2011. 352 с.).
14. **انوان اساسی جمهوری اسلامی ایران**. فصل دوم. زبان خط تاریخ و پرچم. تهران 1979. (Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Язык, письменность, история и флаг. Тегеран: Закон, 1979. 67 с.).
15. **مشکلات فرهنگی فقط بی حجابی نیست**. (Проблемы в сфере культуры заключены не только в снятии хиджаба) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tabnak.ir/fa/news/385897> (дата обращения: 15.08.2017).
16. **نامه فرهنگستان به فدراسیون سوارکاری**. (Письмо президента Академии (персидского языка и литературы) в адрес Федерации конного спорта) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.persianacademy.ir/fa/X050696.aspx> (дата обращения: 10.09.2017).

IRANIAN LANGUAGE POLICY IN THE SECOND DECADE OF THE XXI CENTURY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Kameneva Marina Samuilovna, Ph. D. in Philology
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
kamenevamarina@mail.ru

The article analyzes the basic, from the author's viewpoint, trends of language policy implemented by the leadership of the Islamic Republic of Iran in the second decade of the XXI century. Language policy is considered as an important component of cultural policy, and the Persian language – against the background of its interrelations with national languages and cultures existing on the country's territory. Special attention is paid to the international aspect of language policy, completely new phenomenon in post-revolutionary Iran, and to the problem "Iran and West" as the important components of the popular among the Iranian power structures policy of "soft power".

Key words and phrases: Islamic Republic of Iran; language policy; Persian language; national languages; lexical borrowing; Academy of Persian Language and Literature.

УДК 802.0-561.7

В статье рассматриваются подходы к понятию косвенности при выражении угроз в английской коммуникации. При анализе усеченных угроз, в которых директивная часть выводится из коммуникативного контекста, а комиссивная часть имплицитируется, были выделены угрозы с одной коммуникативной установкой, с двойной установкой и со сменой коммуникативной установки. Отдельную группу составляют косвенные угрозы возмездия. Как показало исследование, наиболее распространенным способом маскировки интенции является смена коммуникативной установки говорящего.

Ключевые слова и фразы: прагмалингвистика; косвенность; угроза; угроза возмездия; коммуникативная установка.

Кондрашова (Козьмина) Вера Николаевна, к. филол. н., доцент
Поспелова Александра Георгиевна, д. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
vn_kondrashova@mail.ru; secondminute@mail.ru

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННОЙ УГРОЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Эффективность речевого воздействия является одним из важных направлений, разрабатываемых в современной лингвистике. В тех случаях, когда коммуникация носит некооперативный характер, говорящий может прибегнуть к угрозам как к средству побуждения. Они имеют определенную специфику языкового содержания

и выражения в зависимости от типа дискурса, взаимоотношений между коммуникантами, их социально-ролевых отношений.

Целью настоящей статьи является уточнение понятия косвенности для речевых актов угрозы в английском языке и анализ усеченных косвенных угроз с позиций коммуникативных установок говорящего.

Полная форма угрозы состоит из директивной и комиссивной части (*If you... I will... / Если ты..., то я...*). Среди лингвистов нет единства относительно статуса угрозы как речевого акта. Его относят к комиссивам [2; 4], директивам [6; 7], а некоторые исследователи отмечают, что угроза находится на стыке между речевыми актами и представляет собой отдельный тип иллокутивного акта [5]. С нашей точки зрения, директивный признак гораздо более существенный, так как коммуникативной целью говорящего является побуждение адресата к той или иной линии поведения, а не взятие на себя обязательств [7, с. 24]. Мы рассматриваем угрозу как слитный речевой акт, в котором иллокутивная функция директива сочетается с отрицательной эмоцией. Одновременно с побуждением говорящий стремится оказать негативное воздействие на эмоциональную сферу адресата, обещая нанести ему ущерб.

Угрозы могут выражаться прямо или косвенно, однако понятие косвенности трактуется лингвистами по-разному. Так, например, Д. О. Жучков, классифицируя угрозы, придерживается широкой трактовки косвенности. В основу классификации автор положил способ выражения признаков успешности речевого акта угрозы, выделенных в его исследовании. К ним относятся принятие говорящим обязательства совершить предсказуемое действие, направленность этого действия на будущее и наличие потенциального ущерба для адресата от предсказуемого действия. Если один или два признака выражены эксплицитно, а остальные имплицитно, то угроза является, с точки зрения автора, косвенной эксплицитной, если все признаки выражены имплицитно, то это косвенная имплицитная угроза [4, с. 18]. Однако данная классификация основана на способе выражения комиссивной части и не учитывает директивную часть угрозы, так как автор рассматривает речевые акты угрозы как комиссивы. В разряд косвенных эксплицитных угроз у Д. О. Жучкова попадают следующие примеры: *If you don't shut up, you are the one who is getting hurt. / Если ты не заткнешься, то не поздоровится тебе. Fire the gun again and you are a dead man. / Выстрели из пистолета еще раз, и ты покойник* [Там же] (здесь и далее перевод авторов статьи. – В. К., А. П.). На наш взгляд, эксплицитно выраженная директивная часть не позволяет считать угрозу косвенной в узком смысле.

А. Ю. Маслова предлагает понятие количественной трансформации семантической модели угрозы, при которой полностью отсутствуют угрозы и требования, и рассматривает типичные для русского языка варианты [6]. Такие усеченные способы выражения угрозы представляют, на наш взгляд, большой интерес.

М. Г. Безяева, анализируя способы выражения угрозы в русском языке, обращает внимание на акцентирование Я-позиции и Ты-позиции, которые могут быть как при эксплицитной, так и при имплицитной форме выражения этого речевого акта [1]. Нам представляется целесообразным для анализа воспользоваться модифицированной классификацией коммуникативных установок В. В. Богданова, предложенной Т. Е. Добровой. Под установкой понимается то, что находится в центре внимания говорящего, то есть предмет речи. Коммуникативные установки делятся на межличностные и внеличностные. Межличностные установки могут быть на себя, на адресата, на слушающего, на третьих лиц. Внеличностные установки включают установку на действительность и на языковые средства [3, с. 5].

Усеченные угрозы часто являются непосредственной реакцией на речевое поведение собеседника, поэтому директивная часть в речевом акте не содержится, а логически выводится из коммуникативного контекста. Также возможны примеры с усечением комиссивной части типа *Just you try and do X. / Попробуй только сделать X*.

Рассмотрим сначала примеры с установкой на себя, в которых угроза маскируется бенефактивным для адресата действием: (1) *"I won't tell anyone about PERC". <...> "You threaten me?" "No! I said I won't tell anyone about PERC. I won't!"* [8, р. 252]. / *«Я не расскажу никому о перхлорэтилене». <...> «Вы мне угрожаете?» «Нет! Я сказала, что не буду рассказывать никому о перхлорэтилене. Не буду!»*. Владелец химчистки хочет расстаться со своей квартиранткой. Когда уговоры разрешить ей остаться не помогают, коммуникант прибегает к косвенной угрозе. Девушка знает, что владелец использует в своей работе токсичные вещества, и адресат правильно интерпретирует обещание не рассказывать об этом как косвенную угрозу. В данном примере угроза реализуется посредством обещания бенефактивного для адресата действия. Категория отрицания служит средством маскировки иллокутивной цели.

В следующем примере установка говорящего на себя, а коммуникативное намерение маскируется посредством временного дистанцирования: (2) *"Open the safe," Fache demanded. The pilot looked terrified. "I don't know the combination!" "That's too bad. I was going to offer you to let you keep your pilot's licence"* [10, р. 462]. / *«Откройте сейф», – потребовал Фах. Пилот выглядел крайне испуганным. «Я не знаю цифрового кода!» «Очень плохо. Я собирался сохранить Вашу летную лицензию»*. Полицейский хочет открыть сейф, находящийся в частном самолете, но летчик не знает кода. Так как пилот перевез пассажиров нелегально, то ему грозит лишение летной лицензии. Полицейский с сожалением говорит о своем бенефактивном намерении оставить пилоту лицензию в прошедшем времени. Таким образом, он имплицитно, что его планы, касающиеся будущего адресата, изменились, то есть комиссивная часть угрозы выражена косвенно.

Как показывает материал, в усеченных угрозах достаточно часто происходит смена коммуникативной установки с действительности на говорящего. Исследователи ранее обращали внимание на использование

в русском языке ситуативно-ориентированных угроз-сообщений, в которых происходит экспликация предметов, явлений или возможностей их использования в ущерб адресату, например: «...у меня в кармане револьвер, и нацелен он тебе в живот» [6, с. 88-89]. Однако в рассматриваемом ниже примере подобная экспликация отсутствует: (3) *“Sir, my humble apologies, but my diplomatic flight allowance provides only for you and your manservant. I cannot take your guests.” “Richard,” Teabing said, smiling warmly, “two thousand pounds sterling and the loaded gun say you can take my guests”* [10, p. 386]. / «Сэр, приношу свои извинения, но мои дипломатические привилегии на провоз пассажиров распространяются лишь на вас и вашего слугу». «Ричард, – сказал Тибинг, улыбаясь, – две тысячи фунтов стерлингов и заряженный пистолет говорят, что вы можете взять моих гостей». Миллионер хочет нелегально провести на своем самолете в Англию двух людей, но пилот отказывает ему в этом. При выражении угрозы происходит смена коммуникативной установки с действительности на говорящего. Формально речь идет о заряженном пистолете, но при этом имплицитно намерение говорящего стрелять в адресата в случае отказа сотрудничать.

В следующем примере мы видим двойную коммуникативную установку: на говорящего и на действительность: (4) *“I think it’s time we move this conversation to CIA headquarters. Maybe we’ll have more luck there”. Sato’s threat barely registered with Langdon* [11, p. 415]. / «Я думаю, нам пора перенести наш разговор в штаб ЦРУ. Может быть, там нам повезет больше». Лэнгдон едва осознал угрозу Сато. Первая установка на говорящего, который хочет перенести место разговора. Вторая коммуникативная установка на действительность, а именно – штаб ЦРУ, придает более официальный характер разговору. Аббревиатура *CIA*, используемая в этом примере, не имеет отрицательной коннотации, а приобретает ее лишь в настоящем контексте. Косвенная угроза указывает на возможное изменение для адресата статуса свидетеля на статус подозреваемого.

Для маскировки интенции угрозы коммуниканты нередко используют вопросы, в которых упоминается действие, наносящее ущерб адресату. В них часто используются модальные средства, смягчающие коммуникативное намерение говорящего. Рассмотрим двойную установку на адресата и действительность: (5) *“Ma’am, I’m waiting for news on a secondary key. I am not sure I’m comfortable blasting our way into-” “Perhaps you’d be more comfortable in prison for obstructing CIA investigation?”* [Ibidem, p. 209]. / «Мадам, я ожидаю известий о запасном ключе. Я не уверен, что мне удобно врываться в-». «Возможно, Вам было бы удобней в тюрьме за то, что вы препятствуете проведению расследования ЦРУ?». Угроза звучит как вопрос-предположение с использованием модального слова *perhaps*, смягчающего коммуникативное намерение. В этом высказывании в коммуникативном фокусе оказывается адресат и действительность – тюрьма.

Вопросительно-отрицательные предложения придают высказыванию ненавязчивость: (6) *“Keeping secrets from your future husband, Milly!” <...> “Shouldn’t someone tell him?”* [14, p. 88]. / «Держать секреты от мужа, Милли!» <...> «А не следует ли кому-нибудь ему об этом рассказать?». Фотограф оказался единственным человеком, знающим секрет, который может расстроить грядущую свадьбу девушки. Мы видим смену установки с третьего лица на говорящего. В намеке-угрозе коммуникант использует лексику обобщающего характера, местоимение *someone*, но подразумевает себя.

Отдельно следует выделить косвенные угрозы возмездия. Хотя в них нет побуждения к действию, так как адресат уже совершил, с точки зрения говорящего, поступок, заслуживающий наказания, они направлены на оказание эмоционального воздействия на адресата и свидетельствуют об отрицательной оценке уже существующего положения дел. В следующем примере коммуникативная установка на говорящего, но действие, наносящее ущерб, не называется, так как используется усеченное высказывание: (7) *“I swear on my life, before the night is over, I will find you.” <...> “And when I do...”* The caller laughed coarsely. “A woman of spirit. I am aroused. Perhaps before the night is over, I will find you. And when I do...” [9, p. 159]. / «Клянусь жизнью, до конца ночи я найду тебя...» <...> «И когда я найду...» На другом конце провода хрипло рассмеялись. «Темпераментная женщина. Я возбудился. Возможно, до конца ночи я найду тебя, и когда я найду...». Телефонный разговор происходит между девушкой и убийцей ее отца. В незавершенном высказывании имплицитно желание расправиться с преступником. Усеченная форма высказывания не мешает его пониманию, но делает угрозу более экспрессивной.

В следующем примере коммуникативная установка на действительность меняется на установку на говорящего: (8) *“No, I never saw the parchment. How many times do I have to tell you that? If someone says I’m shopping it, he is a liar. <...> Whoever he is, tell him for me that there are laws about slander and he should look them up”* [12, p. 245]. / «Нет, я никогда не видел рукописи. Сколько раз мне надо вам это говорить? Если кто-то сообщает, что я ее продаю, он лжец. <...> Кто бы он ни был, передайте ему от меня, что существуют законы о клевете, и ему следует их почитать». Подозреваемого вызывают на допрос в полицию и сообщают, что, по словам неизвестного информанта, он намеревается продать украденную рукопись, представляющую огромную ценность. Мужчина опровергает эти сведения и дает совет неизвестному осведомителю почитать законы о клевете. Таким образом, установка на действительность меняется на установку на говорящего, так как подразумевается, что коммуникант собирается подать в суд за клевету.

Исполнителем действия, наносящего ущерб, может быть и третье лицо, а говорящий лишь его инициатором. Коммуникативная установка может быть и на третьих лиц, которые в соответствии с законом должны наказать обидчика: (9) *“He said that he had some dangerous enemies, even if they didn’t do their own dirty work.” “Meaning me?” “Yes, but also that he has some powerful friends”* [13, p. 499-500]. / «Он сказал, что у него есть опасные враги, даже если они не сами выполняют свою грязную работу». «Он имел в виду меня?» «Да,

но также и то, что у него есть могущественные друзья». Психолог-аналитик, помогающий полицейским в расследовании дел, предполагает, что его дом был сожжен по заказу его оппонента. Именно ее он подразумевает под своими «опасными врагами», а высокопоставленные полицейские, как он рассчитывает, помогут ее призвать к ответственности. Угроза в этом случае выражается опосредованно, через третье лицо.

Таким образом, в английской коммуникации могут использоваться усеченные косвенные угрозы, в которых директивная часть выводится из коммуникативного контекста, а комиссивная часть выражена имплицитно. Они могут реализовываться посредством высказываний с одной коммуникативной установкой, двойной установкой и со сменой установки. Чаще всего происходит смена коммуникативной установки. Она используется для маскировки иллокутивной функции.

Угрозы могут реализовываться в форме бенефактивных обещаний, вопросов, советов, но при этом в них отсутствует полная экспликация действия, наносящего ущерб. При коммуникативной установке на говорящего используются средства маскировки: отрицание намерения совершить действие в ущерб адресату, усеченное высказывание, временное дистанцирование.

К периферии речевых актов угрозы относятся угрозы возмездия, выражающие негативную оценку действий, уже совершенных адресатом или третьим лицом, и это сближает их с канонической формой угрозы, имплицитной директивную часть. Целью данных угроз является не побуждение, а оказание негативного эмоционального воздействия на адресата или третье лицо путем имплицитной угрозы. Они могут высказываться напрямую адресату или через посредника.

Как показало исследование, усеченные косвенные угрозы достаточно часто используются при формальных, асимметричных социально-ролевых отношениях.

Список источников

1. **Безяева М. Г.** Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002. 752 с.
2. **Богданов В. В.** Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 88 с.
3. **Доброва Т. Е.** Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004. 18 с.
4. **Жучков Д. О.** Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2010. 22 с.
5. **Маргынова И. А.** Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной художественной литературы): автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2006. 17 с.
6. **Маслова А. Ю.** Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта; Наука, 2007. 148 с.
7. **Поспелова А. Г.** Речевые приоритеты в английском диалоге: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2001. 72 с.
8. **Ahern C.** One Hundred Names. London: Harper, 2013. 469 p.
9. **Brown D.** Angels and Demons. N. Y.: Pocket Books, 2006. 572 p.
10. **Brown D.** The Da Vinci Code. London: Corgi Books, 2004. 604 p.
11. **Brown D.** The Lost Symbol. London: Bantam Press, 2009. 509 p.
12. **Clark M. H.** The Lost Years. London: Simon and Schuster, 2012. 375 p.
13. **French N.** Waiting for Wednesday. London: Penguin Books, 2014. 553 p.
14. **Wickham M.** The Wedding Girl. London: Black Swan, 2010. 365 p.

WAYS OF IMPLEMENTING INDIRECT THREAT IN THE ENGLISH DISCOURSE

Kondrashova (Koz'mina) Vera Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Pospelova Aleksandra Georgievna, Doctor in Philology, Associate Professor

Saint Petersburg University

vn_kondrashova@mail.ru; secondminute@mail.ru

The article deals with approaches to the notion of indirectness when expressing threats in the English communication. When analyzing truncated threats, in which the directive part is derived from the communicative context, and the commissive part is implied, threats are identified with one communicative purpose, with a double purpose and with the change of a communicative purpose. A separate group consists of indirect threats of retaliation. As the study has shown, the most common way to mask an intention is to change the speaker's communicative purpose.

Key words and phrases: pragmalinguistics; indirectness; threat; threat of retaliation; communicative purpose.